



Искать свое, обретая себя

Музыкальное прошлое Беларуси когда-то мало чем отличалось от музыкальной действительности: разница между ними составляла несколько десятков лет. Основоположники профессионального национального искусства (в частности, композиторской школы) появились у нас только после создания БССР, поэтому классики, представители среднего поколения и так называемой творческой смены были в буквальном смысле современниками, общались между собой. Учебники по истории белорусской музыки, сохранившие актуальность едва ли не до начала 1990-х, самым содержанием настойчиво внушали мысль о том, что разножанровое музыкальное искусство появилось и начало развиваться у нас лишь при советской власти, а прежде на этой земле никакой своей «звуковой среды», кроме фольклора, не существовало.

Вдумчивым и пытливым соотечественникам подобные уничижительные обобщения казались противоречащими глубинным связям исторических реалий, а белорусское музыковедение — однобоким, упрощенным и уплощенным, идеологически «заангажированным». Возможно ли, чтобы народ, издревле проживающий в центре континента, на перекрестке важнейших связующих путей, вместе с Европой познавший богатый опыт развития цивилизации и культуры, — чтобы самобытный и творчески одаренный народ враз и без посторонних воздействий лишился собственного многовекового прошлого, впал в историческое беспамятство, потерял весьма ощутимую долю музыкального наследия?

Сомнение, проникая в среду специалистов, сменялось любопытством, любопытство — научным интересом. Конечно, немногочисленные искатели правды о музыкальном прошлом не собирались оспаривать очевидное. Разве можно отрицать, например, что наша национальная композиторская школа формировалась именно в советское время, когда была создана Белорусская государственная консерватория (теперь академия музыки)? Однако на основании этого факта недопустимо замалчивать и вычеркивать из сознания все, что происходило у нас на родине до XX столетия, отлучать новые поколения от уникального духовно-художественного наследия народа, его наисложнейшего, нередко парадоксального опыта. Энтузиасты национально-культурного возрождения 1980-х стремились преодолеть «массовую амнезию» и, всмотревшись в былое, напомнить, что у белорусов есть не только удивительный, уникальный аутентичный фольклор и яркие достижения советской эпохи, но и многовековые традиции чрезвычайно разнообразного профессионального и любительского творчества. Есть богатая старосветская музыкальная культура, складывавшаяся с участием всех слоев общества, весьма своеобразная и неотъемлемая от европейского контекста.

Вскоре к этим энтузиастам присоединилась и выпускница Белорусской консерватории по классу фортепиано Ольга Дадюмова.

Главной сферой ее интересов стала история отечественной музыкальной культуры до XX века. Три десятилетия подвижнического труда — нескончаемая череда дел, достижений, открытий. На основе музыкально-исторических источников, выявленных в хранилищах разных стран, Дадиева осуществила научную реконструкцию и создала всеобъемлющую концепцию развития изучаемой культуры. Разносторонний ученый, историк и теоретик, просветитель, педагог, методист, Ольга Дадиева известна как автор более 200 публикаций (монографии, учебные пособия, хрестоматии, программы, брошюры, статьи, изданные в Беларуси, Германии, Литве, Польше, США, России, других странах). Составляет и редактирует научные сборники, книги, нотные издания, аудиодиски. Постоянно участвует в международных научных форумах, в проектах ЮНЕСКО. Подготовила и провела сотни телевизионных программ и радиопередач (цикл «Галасы мінуўшчыны», рубрика «Беларуская рэтраспектыва»). Разработала и прокомментировала концептуальные белорусские концерты в Лондоне, Варшаве, Вильнюсе.

Впервые в стране и мире ею создан курс истории музыкальной культуры Беларуси до XX века (Ольга Владимировна ведет его в родной академии уже более 20 лет!). На ее же научных и методических материалах основано преподавание аналогичных белорусоведческих дисциплин во всех учебных заведениях искусств страны. А через работу с молодыми исследователями доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой белорусской музыки БГАМ Ольга Дадиева формирует свою научную школу.

Возвращение утраченных столетий

Новую для себя сферу деятельности преподаватель тогдашнего столичного Института культуры Ольга Дадиева осваивала в аспирантуре Академии наук БССР. Под научным руководством именитого музыколога Инны Назиной было определено направление работы, и уже в 1992 году увидела свет монография молодого исследователя: «Музыкальная культура городов Белоруссии в XVIII веке». Через два года вышло учебное пособие «Гісторыя музычнай культуры Беларусі: ад старажытнасці да канца XVIII ст.». Первые книги Дадиевой, появившиеся в романтический период взлета широкого интереса к забытой истории отечественного искусства, стали своеобразным компасом в море нашего непознанного и удивительного европейского прошлого.

«Удивительно было все! Каким-то абсолютно мистическим образом идея восстановления наследия захватила со временем все учреждения и организации, имеющие отношение к художественной жизни. В том числе академию музыки, университет культуры, филармонию, исполнительские коллективы — те столпы, на которые опирается процесс творческого возрождения. Правда, в самом начале поверить в поддержку такого процесса было просто невозможно, потому что сами нотные источники вызывали у многих людей весьма противоречивые чувства. К великой радости, это безусловно была музыка далеких эпох, рожденная и существовавшая на белорусской земле. Но в ней не было проявлений «почвенного фермента», четкого фольклорного фундамента. И когда найденные источники, выявленные материалы предлагались вниманию профессионалов — исполнителей и ученых, в их реакции далеко не всегда были сочувствие и доброжелательность. Вот почему я всякий раз с особой признательностью вспоминаю и говорю о том, что первой организацией, обратившей внимание на идею возрождения несправедливо забытого и утраченного наследия, был Белорусский союз музыкальных деятелей. Его руководство и активисты поддерживали энтузиазм подвижников именно сердцем, не ожидая, пока наша инициатива станет общепринятым, а то и востребованным делом; люди

с меркантильными интересами, с прагматичным подходом никогда этого не сделали бы, за «проект-утопию» возьмутся только поистине блаженные люди! А заместитель председателя союза Наталья Кузнецова-Витченко, с которой мы вместе учились в консерватории, еще и доверяла моей увлеченности».

Незабываемо, ни с чем не сравнимо счастливое состояние, когда она возвращалась домой, в очередной раз везя раритетную «добычу» — музыкальные памятники, выисканные в зарубежных архивах. Незабываемо и то, с какой неуверенностью показывала потом свои находки, в которых не было ни одного белорусского слова, ни одной фольклорной мелодии. Хотя, казалось бы, всем должно быть понятно, что в конкретных исторических условиях существовали иные критерии, по которым судили о принадлежности старинных образцов музыки к определенной культуре. Увы, понятно было не всем... Зато с каким воодушевлением заходила Ольга Дадиомова в родной союз, где слышала радостное: «Бере-е-е-м!!!» и понимала: это не дань вежливости, а готовность к серьезной работе и гарантия, что через двести лет забвения ноты забвения вновь зазвучат на родине, что их спонут, сыграют, возродят.

«В общем, очень рискованно было тогда презентовать музыкальные памятники, которые и по сей день в сознании многих так и не стали частью культуры Беларуси, при том, что сегодня уже есть соответствующая теория. А на тот момент ее не существовало, курса истории музыкальной культуры Беларуси до XX столетия тогда не было не то что в профильных училищах и школах — его не было и в консерватории! Поэтому вся надежда возлагалась на поддержку со стороны тех, кому свойственно плюралистическое отношение к действительности. Это люди с живым творческим мышлением, которые не держатся за определенные каноны: мол, все, что не соответствует сложившейся доктрине, не имеет права на жизнь. К чести наших единомышленников из БСМД, союз активно поддерживал и абсолютно новый, во многом рискованный проект — проведение первого, сенсационного для своего времени, просветительского фестиваля «Адраджэнне беларускай капэлы», с подвижниками которого — Виктором Скоробогатовым и Анной Корженевской — мы шли буквально навстречу друг другу.

Кстати, мало кто знает, что музыковед и композитор Александр Друкт (жизнь этого талантливого человека, к сожалению, оборвалась рано, его уже не было в то время) предвидел движение, направленное на поиск и возвращение утраченной белорусской музыки прошлого. Он словно руководствовался аналогом системы Менделеева. Как Менделеев по своей таблице вычислял отсутствовавшие химические элементы, которые еще предстояло открыть, так и Александр Друкт, не имея конкретного нотного материала,



В детских мечтах о балете.

просто «высчитывал» существование того, чего в нашей музыке не хватает. Он предвидел, что будут найдены нотные памятники, которые подтвердят: и ренессанс, и классицизм, и романтизм — все эти стадии прошла музыкальная культура Беларуси, в особом, возможно, виде. И этот стадийный процесс он показал в своей брошюре.

Но, повторюсь, в то время наши музыкальные утопии не могли найти поддержку у большинства профессионалов. Я их понимаю и никогда с ними не спорила. Потому что тем, кто за всю свою жизнь никогда не держал в руках такие архивные материалы, резко перестроиться, развернуться в другую сторону невозможно. Хорошо, если есть подсознательное, а может, и осознанное ощущение того, что должна существовать история у народа — народа в широком категориальном смысле этого понятия. Народа, который объединяет и носителей фольклорной традиции — хранителей этого собственно этнического, очень мощного национального течения; и свою интеллигенцию; и элиту своего времени — магнатию, тех представителей, что отошли в иную языковую сферу, иную этнокультурную среду, но все равно являются репрезентантами Беларуси».

Парадоксы реальности

Говоря о тех, кто поддержал ее начинания, Ольга Владимировна с особой признательностью вспоминает Ядвигу Григорович.

«Ее, к сожалению, уже нет среди нас... Ректор БГУ культуры и искусств, тогда института, где я преподавала, Ядвига Григорович в 1993 году с пониманием отпустила меня в другой вуз. Можно сказать, благословила мою работу в академии музыки, чтобы и там развивалось белорусское дело, изучалась история музыкальной культуры Беларуси, — то, что всегда поддерживала Ядвига Доминиковна. Ведь не случайно тогда в институте сложился круг исследователей: и незабвенный Гурий Барышев, и Анатолий Грицкевич, и троица «утопистов», занимавшихся XIX столетием: Вера Прокопцова, Александр Капилов и Елена Ахвердова. Я присоединилась к их деятельности с еще более утопическим XVIII веком. И учились мы прежде всего на книгах Адама Мальдиса, который тогда уже был гуру. С нами рука об руку работали директор бывшего Института проблем культуры Владимир Скороходов, многие музыканты-исполнители, в том числе maestro Михаил Козинец, солисты Лев Горелик, Юрий Гильдюк, Владимир Дулов, Игорь Оловников и целый коллектив энтузиастов, возглавляемый Михаилом Финбергом».

К слову, музыкальные памятники (от опер и симфоний до камерно-инструментальных и вокальных произведений), возвращенные Ольгой Дадимовой в Беларусь и вошедшие в репертуар многих исполнителей, стали основой уникального направления деятельности Национального академического концертного оркестра, которым руководит Михаил Финберг. На протяжении двух десятилетий коллектив, по инициативе неутомимого maestro, проводит художественно-просветительские акции в различных регионах страны. И Дадимова участвует в них как научный руководитель и ведущая концертных программ.

Все начиналось в 1995 году, когда состоялся первый, сегодня уже знаменитый на всю Беларусь, фестиваль «Музы Нясвіжа». Успешный дебют стал стимулом для популяризации возрожденной классики в других наших исторических городах и местечках, для превращения таких акций в ежегодную традицию и постепенного расширения географии «асветніцкіх фестэў». Процесс этот продолжается. «Заслаўе», «Мсціслаў», «Мірскі замак», «Чачэрскія сустрэчы», «Пінскія спатканні», «Гасцеўня Напалеона Орды»; музыкально-просветительские праздники в Молодечно, Турове, Новогрудке, Горках, Любани, Хойниках... Для

каждого проекта разрабатывается научно обоснованная, с учетом местных исторических традиций, концепция, в соответствии с которой составляется программа. В ней бывает предусмотрено даже проведение научной конференции, и тогда Ольга Владимировна заранее заботится об издании сборника докладов и сообщений, подготовленных участниками чтений, пишет вступительную статью.

А как ведет она музыкальные программы, исполняемые на таких фестивалях камерными академическими коллективами, которые работают в составе знаменитого оркестра! Из ее неповторимых, очень серьезных по сути, но легких по форме комментариев, окрыленных импровизацией и юмором, можно почерпнуть столько увлекательных исторических сюжетов с участием легендарных персон! В таком рассказе (или сценарии сериала?) можно убедительно связать с Беларусью, например, великого Иоганна Себастьяна Баха. Нет-нет, он, судя по достаточно подробной биографии, никогда не ступал по белорусской земле! Однако этот гениальный немец в совершенстве освоил «модный» у нас жанр полонеза, а свою грандиозную Мессу си минор посвятил Фридриху Августу «Моцнаму», курфюрсту саксонскому и королю Речи Посполитой, который, между прочим, вынашивал идею независимости Великого Княжества и которого поддерживали Радзивиллы. А сын композитора — Карл Филипп Эммануэль Бах был наставником и другом Яна Давида Голланда, который в молодости покинул родную Германию, на долгие годы связал свою судьбу с окружением Радзивиллов, а оперу «Агатка, або Пръезд пана» (ее принято считать первой белорусской оперой) написал в Несвиже на либретто Матея Радзивилла. (Замечу, ноты этой оперы, записанной в фонд Белорусского радио с участием ведущих солистов, нашла в зарубежном хранилище и привезла «домой» именно Дадимова.)

Кстати, Голланд — современник Моцарта, который (точно известно) никогда в Несвиже не гостил. Однако оба композитора, «авангардисты» своего времени, не сговариваясь, работали в общем для XVIII века интонационно-стилевом поле. Так стоит ли удивляться, что написанные в один год легендарная несвижская «Агатка» и моцартовский шедевр «Свадьба Фигаро» имеют в звучании определенные схожести, а то и совпадения? В более позднее время именно под влиянием творчества Моцарта, даже цитируя его музыку, создавал оперу «Фауст» (на оригинальное либретто самого Гёте!) Антоний Генрик Радзивилл, в молодости приехавший в Германию и обосновавшийся там на всю жизнь. А в его доме находил поддержку и приют Фридерик Шопен — между прочим, обожатель фортепианных полонезов Михала Клеофаса Огинского, часто называемого «предтечей Шопена» в этом жанре...

Вот примерно в таком духе комментирует концерты наша героиня. Думаю, заслушаться может и человек, далекий от классического искусства. Но главное, что живой, доходчивый, остроумный рассказ обаятельной ведущей не только захватывает публику на время даже двухчасового концерта, идущего без антракта. Главное, что зрители-слушатели, грамотно подготовленные к восприятию серьезных произведений,



Годы студенчества, «на картошке».

с интересом вступают в сложный звучащий мир, замечают его красоту, наслаждаются, ждут продолжения. Благодаря этому в родной глубинке воспитывается уже не одно поколение просвещенных любителей старинной белорусской музыки, знакомых также и с отечественной классикой XX столетия, и с шедеврами мирового музыкального искусства. И очень важно то, что непростой просветительский процесс осуществляется через образную и яркую белорусскую речь.

«Сотрудничая с этим удивительным оркестром уже 20 лет, могу с уверенностью сказать, что он является не только высокопрофессиональным исполнительским коллективом, но также научным и просветительским центром, который осуществляет и поощряет научные разработки, направленные на практическую творческую деятельность. Все новейшие исследовательские находки сразу внедряются в практику, а она в свою очередь стимулирует и создает перспективу для дальнейших музыковедческих поисков, формирования новых научных актуальностей и концепций. А таким образом возникает возможность ввести многие найденные музыкальные памятники в белорусскую художественную действительность — через подготовку и обработку нотного материала и, конечно, через его блестящее исполнение.»

Именно поэтому не прерываются инновационные проекты коллектива, где возрождается творческий облик многих видных личностей белорусского музыкального мира (в том числе, по инициативе руководителя оркестра, — и наших классиков XX века), где «музыкальная даўніна» Беларуси подается также и в новом освещении, в определенном контексте. Как раз таким путем пошли мы нынче, презентуя творчество Чайковского в Несвиже, а в прошлом сезоне, за год до юбилея Огинского, начав концерты в его честь первым выступлением оркестра в Залесье. Кстати, там же проведем юбилейный концерт 25 сентября, в день рождения этого выдающегося общественного деятеля, интеллектуала, истинного аристократа духа, рыцаря и патриота».



Фигура Огинского, как подчеркивает Ольга Дадюмова, уже 20 лет остается центральной в деятельности коллектива, который одним из первых начал представлять в разных уголках страны музыку наших давних соотечественников (в акциях, получивших сегодня общее название «Гістарычныя канцэртны ў старажытных цэнтрах Беларусі»). Если говорить о цифрах, то это более тысячи концертов в рамках 120 фестивалей. Если говорить об именах, то это Матей Радзивилл и Ян Голланд, Наполеон Орда и Михаил Ельский, Осип Козловский и Станислав Монюшко (посвященный ему праздник в Мире длился целых 6 часов!), а еще Михал Казимир и Михал Клеофас Огинские, Камилла Марцинкевич, даже Тадеуш Костюшко, — и многие другие композиторы, как профессионалы, так и музыкально образованные талантливые любители.

Между прочим, «белорусский след» в сознании Ольги Дадимовой — это «семейное наследие». Родилась она в Гомеле, но детство прошло уже в Минске. Отец Владимир Дадимов был писателем и журналистом. Мама Мария Захаровна преподавала белорусскую литературу в Республиканской гимназии-колледже при академии музыки, по тогдашнему названию — Средняя специальная музыкальная школа при Белорусской государственной консерватории. В этой школе, кстати, училась Ольга.

«Только теперь, вспоминая отца, я особенно остро чувствую, как много он значил для меня, хотя его присутствием было отмечено несколько лет моего детства — то короткое счастливое время, когда все мы жили вместе, в единой семье, в одном доме... Только теперь осознаю, что именно первые детские впечатления во многом определили контур, содержание и стиль дальнейшего моего существования, образ которого формировался на примере именно отцовской жизни. А его жизнь определяли мощная творческая доминанта, высокая художественная нота, главенство интеллектуального труда и нескончаемый поиск, компанейская открытость и внутреннее одиночество, усмешливая самоирония и глубинный душевный трагизм. Помню, как он читал маме, брату и мне очередную главу своего романа «Над Нёманам». Именно мы первыми оценивали «на слух» и строки его «Белазёрскага дзённіка», устроившись на полу комнаты (потому что стулья и даже кровати были завалены рукописями). Помню простор новой квартиры, где не смолкали стрекотание пишущей машинки и телефонные звонки: как ответственный корреспондент «Литературной газеты» отец по нескольку раз в день передавал срочные сообщения, рецензии, статьи. Мама полностью была занята редактированием его рукописей... На даче папина машинка тоже не утихала. Но приход его коллег и соседей Андрея Макаёнка, Алексея Кулаковского прерывал работу, время проходило в искренних беседах и творческих спорах. Их участниками в разные годы были Иван Шамякин, Василь Быков, Максим Лужанин, Владимир Карпов, Иван Новиков, Алексей Карпюк. Хорошо помню Льва Кассиля — с ним родители подружился в Доме творчества в Крыму, а еще — Расула Гамзатова и Чингиза Айтматова, с чьими семьями жили рядом в период папиной учебы на Высших литературных курсах в Москве. Вспоминаю Беловежскую пуцу, где ходили с Нилом Гилевичем и впервые увидели первозданный сосновый бор, буквально завороживший папу... Берегу его пронзительные военные заметки — пожалуй, самое ценное, что осталось у меня из его рукописей...»

Ходят какие-то легенды про магическое обручальное кольцо, которое в самом начале исследовательского пути Ольги Дадимовой помогло ей осуществить первый научный подвиг. Слухи слухами, но... Они правдивы.

«Моя мама, у которой был культ «навучальнасці», считала, что ребенок, то есть я, должен учиться постоянно. В специализированной школе, потом в консерватории, обязательно в аспирантуре — и далее учиться всю жизнь. Такой вот учительский синдром. Мама сказала: «Я тебе помогу, буду заботиться о твоей дочери, но ты должна заниматься наукой». И когда оказалось, что в белорусских архивах действительно нет интересовавших меня нотных источников, она спросила: «А где они есть?», на что я ответила: «Они есть в Польше». Мама не отступала: «Сколько стоит билет до Польши?» Говорю: «Это до Кракова, туда проезд 25 рублей». По тем временам четверть зарплаты. Она сказала: «Я тебе дам 50». Отнесла в скупку свое золотое обручальное кольцо и сказала: «Не надо останавливаться. Покупай билет и поезжай».

Наверное, это какая-то сотая часть того «легендарного», что происходило на самом деле. Вспомнилось, как мы с моей аспиранткой Светой Немогай сидели всю ночь на вокзале... Ехали то ли из Германии, то ли из Польши. Чтобы переночевать в Гомеле, денег уже не было. Вот и коротали время «в гуще жизни». К нам подходили любопытные бомжи. Один оказался филологом. Так вот он

помог нам в работе! Виртуозно перевел очень сложный текст со старопольско-го языка на белорусский, именно его переводом мы потом и пользовались.

Да и все, что происходило, — вовсе не подвиг, а какая-то абсолютная наша оторванность от реальности. Мы занимались своими поисками как блаженные! Вот сейчас бы я на такую авантюру не решилась... Избавилась от определенно-го научного снобизма, научных утопий и научной романтики. И убеждена, что не стоит комплексовать по поводу, например, того, что в досоветское время белорусской национальной композиторской школы не было. Этот факт надо принимать и объяснять как нашу уникальность и — научную загадку, разгадать которую тоже очень важно и почетно.

Я склоняю голову перед сотрудниками нашей кафедры, каждый из которых уникален как, пожалуй, единственный в мире специалист в своей области. Очень сожалею, что профессор Тамара Семеновна Якименко (а она ведет свою научную генеалогию от действительно легендарной Лидии Сауловны Мухаринской!) уже не работает на кафедре... Случилась и горькая утрата — ушла из жизни доктор искусствоведения Лариса Филипповна Костюковец, которую никто не заменит. Правда, ее ученики работают самоотверженно, «подхватили» ее предметы, продолжили многолетнюю традицию фольклорных экспедиций (теперь ими руководит доцент Лилия Баранкевич). Коллеги радуют профессиональными успехами. Доцент Тамара Лихач завершает книгу о музыкально-литургической традиции Беларуси, доцент Татьяна Беркович (ученица Тамары Якименко) недавно опубликовала обстоятельную монографию, посвященную проблемам белорусской народно-песенной культуры. Надежда Бунцевич еженедельно публикует блестящие статьи о современном белорусском искусстве».

Сопровождаемые концертами научные конференции «Шэсць стагоддзяў беларускай музыкі», «Беларуская музыка ў каардынатах еўрапейскага мастацтва». Програма «Шлях і мецэнацтва. Да 500-годдзя дынастыі Радзівілаў», символично объединившая в стенах обновленного великокняжеского дворца музыку Вацлава из Шамотул, Яна Карловича, Яна Голланда, Михала Казимира Огинского, представителей рода Радзивиллов — Матея, Антония, Софьи... Достаточно и трех фактов, чтобы представить себе, какой привлекательный, неизведанный и все еще загадочный музыкальный ландшафт открывается перед нашими современниками. Возрожденный из утопии, превращенный в реальность...

«В науке очень важно говорить правду. Даже в том случае, когда эта правда не нравится — ни нам, исследователям, ни слушателям. Как хотелось бы, чтобы белорусская музыка имела высокий национальный облик уже со времен ренессанса, барокко, чтобы и эпоха классицизма в нашем музыкальном наследии была обозначена величественными именами, подобными Моцарту, Гайдну, Бетховену. И чтобы эпоха романтизма впечатляла реализацией идеи создания национальной композиторской школы... Михаил Глинка мог бы стать белорусским классиком, точно так же и Монюшко мог стать белорусским классиком романтизма. (Для этого были все предпосылки, как были и неблагоприятные для развития белорусской культуры реальные условия XIX века. — С. Б.). Но прошлое уже состоялось. И давность остается для нас закрытой комнатой, ключи от которой навсегда потеряны. Но то, что не сбылись наши определенные мечты и чаяния, не значит, что исследователи вынуждены рассматривать эту правду лишь в негативном аспекте. Мы должны говорить правду и объяснять, почему этот «музыкальный сценарий» разворачивался во времени и пространстве не по тем законам, к пониманию которых мы приучены на примерах развитых культур. У культуры Беларуси была иная функция, иная «жыццёдайная», результативная миссия в ходе европейского музыкально-исторического процесса. Наше культурное донорство, дарение своих лучших сыновей другим народам, следует воспринимать как синоним жертвенности. А ведь без тех жертв не могла бы осуществиться история европейской музыкальной культуры. Сказано, может быть, излишне пафосно — ну, неужели без культуры Беларуси не состоялся бы европейский му-

зыкально-исторический процесс? Не состоялся бы! Я могу с полной научной ответственностью так говорить. Ведь без участия музыкальной культуры Беларуси никогда не произошли бы те процессы, которые пережили культуры соседних и более отдаленных стран. Потому что наша культура принимала, адаптировала, переносила очень важные и плодотворные западноевропейские течения, явления искусства и высокого, и среднего. Если бы она не адаптировала на своей почве и не перенесла, не подарила что-либо культуре, скажем, России, то культура нашей восточной соседки выглядела бы беднее и совсем иначе. Не могла бы развиваться в том русле, в котором она развивалась, и культура Польши, обогатившаяся деятельностью Станислава Монюшко, Яна и Мечислава Карловичей.



С учениками.

Многие выходцы из Беларуси, плод их деятельности — неразделимое наследие белорусского, и польского, и литовского, и российского народов. Во времена существования Российской империи Беларусь, входившая в ее состав, дарила свои таланты, ехавшие в российские столицы, где еще с XVII столетия были желанными гостями. Дарила своих сыновей: Осипа Козловского, автора первого российского гимна, и Михаила Глинку, чей талант сформировался на белорусской почве и чья «Камаринская» на самом деле является нашей «Лявоніхай па-даўнейшаму». Однако, рассуждая так, я полагаю, что все те композиторы, которые жили и работали на территории Беларуси, когда эта территория входила в состав империи, в равной степени принадлежали русской, белорусской, литовской и польской культурам. И точно так же российское музыкальное наследие, тем более XIX века, в полной мере можно отнести к культуре Беларуси. Впрочем, кого бы мы ни вспомнили из восточноевропейских, западноевропейских, чешских, польских, украинских, русских композиторов, среди них нет ни одного, кто так или иначе, напрямую или опосредованно не был бы связан с нашей культурой. Когда я начинаю рассказывать о ее специфике, выступая на конференциях за рубежом, то убеждаюсь: коллеги не просто получают новую для себя информацию, но и заинтересованно вникают в исследования культуры Беларуси, такой неподобной, особенной в своем историческом развитии, столько давшей разным народам, — и ученые с мировыми именами многое проясняют для понимания культуры собственной.

Музыка Беларуси, музыка на территории Беларуси имеет очень широкую трактовку. Многие памятники являются общим сокровищем нескольких народов, их общим наследием. И говоря «общее», мы не присваиваем ни польское, ни русское, ни литовское — мы не трактуем наследие как исключительно национальное белорусское, а только смотрим на факты и стремимся о них говорить максимально корректно).

Музыка Беларуси — это музыка Беларуси... Глядя на сегодняшнюю ситуацию глазами оптимиста, Ольга Владимировна удивляется, можно сказать, «сама себе»: за четверть века, буквально у всех на глазах — просто невероятно! — произошла полная реконструкция всего музыкально-исторического процесса. И теперь история белорусской музыкальной культуры — со всеми ее парадок-

сами, «дипломатичными» недомолвками, загадками — отражается в зеркале шести столетий.

«Это действительно невероятно! В жизни ни одного народа не было такого случая, чтобы за столь короткий для истории период идея — причем идея музыкального возрождения — овладела массами, была подхвачена, разработана группой исследователей, возведена с неспаханной целины во впечатляющий «гмах» новой отрасли знаний. Во внутреннем дворе этого внушительного строения — широчайшее художественное поле, где все живет, переливается всевозможными красками: здесь усердствуют исполнители. А мы, исследователи, уже не успеваем следить за тем, что они делают, их даже не сосчитать, ведь помимо известных профессионалов сотни любительских, учебных, народных коллективов увлеченно играют стародавнюю музыку Беларуси. Общество с удовольствием воспринимает это движение через столетия как движение к себе. И легче, чем специалисты, принимает очень простую мысль о своей музыкальной истории: древние архитектурные памятники на нашей земле — это не молчаливые знаки прошлого, а свидетели былой жизни. А жизнь во все времена сопровождала музыка. На протяжении столетий пространство храмов, замков, дворцов, усадеб, обычных домов и построек наполнялось разноязычной человеческой речью и музыкальными звуками...»

Личное дело Ольги Дадимовой

Август, воспетый поэтом как «месяц цезарей», — время ее рождения. Нынче, в разгар летнего затишья, Ольга Владимировна принимает поздравления с юбилеем. По поводу очередной своей круглой даты высказывается непритязательно и откровенно:

«Обычно юбиляры кокетливо замечают: в 50 (60, 70) лет жизнь только начинается. Я же скажу иначе: моя жизнь — в обыденном личном смысле — еще и не начиналась. Потому что пришлось многим пожертвовать — и пожертвовать, к великому сожалению, не только собственным спокойствием, но и благополучием близких... Недаром, когда я даю советы в воспитании внука, моя дочь говорит: «Что ты можешь посоветовать, когда сама ничего не знаешь? У тебя же как будто не было детей. Единственное, что я помню, — это лязг входной двери и твой возглас: “Я пошла в архив!”» Поэтому теперь приходится отдавать долги: как могу, компенсирую свою «вредность», сожалея, что уже невозможно отдать тепло родителям, которым я стольким обязана...

Понимаю также, что никогда не смогу воздать должное учителям, которые вывели меня в люди, и прежде всего — профессору Инне Дмитриевне Назиной, остающейся образцом преданности своему делу. Поэтому стараюсь хотя бы через учеников передать почтение, признательность своим наставникам».

В числе учеников Ольги Дадимовой, как известно, ее самая первая, увлеченная и самоотверженная аспирантка, с которой когда-то доводилось делить дорожные приключения и бытовые тяготы поездок за рубеж — ради работы в нотных архивах. Это Святлена Немогай, ныне весьма успешный ученый-белорусист, высокообразованный музыкант, кандидат искусствоведения. С ее именем связано создание замечательной книги — историко-теоретического исследования «Жыццё і творчасць М. К. Агінскага ў каардынатах яго часу і культурнага асяроддзя», выявление и презентация ранее неизвестных опусов Михала Клеофаса Огинского, подготовка и проведение в качестве комментатора уникальных концертных программ возрожденной белорусской музыки...

«А учеников у меня уже много. Начиная от Святлены Немогай, которая постоянно двигается вперед в науке и просветительстве, до молодых магистрантов, аспирантов и зрелых соискателей, — замечает Ольга Владимировна. — Катерина Берестова (с ее работой о белорусско-немецких музыкальных

связях), Ольга Поддубская (она разработала проблему белорусско-итальянских музыкальных отношений), Алина Данилевич (в центре ее интересов — Ян Карлович), Ольга Царик (изучает музыкальную культуру городов Минщины), Владимир Лебецкий (сфера его научных занятий — музыкальная Гродненщина). А еще довелось помочь завершить работу над начальными ранее диссертациями Наталье Копытько (о камерной кантате) и Татьяне Трофимчук (ей профессор Тамара Якименко предложила тему воплощения средневековых образов в белорусской симфонической музыке).

Нынче, к сожалению, в Академии музыки не объявляли прием на белорусоведческую специализацию, и это всех нас очень обеспокоило, поскольку музыкологи-белорусисты до сих пор имели возможность углубленного изучения соответствующих дисциплин (от нашего родного песенно-инструментального фольклора и истории музыкальной культуры Беларуси до философской мысли Беларуси). Но есть обещание руководства нашего вуза и твердая уверенность в том, что через два года «музычнае беларусазнаўства» станет специальной отраслью, в которую вольется новый приток студенческой молодежи. Пока же я стремлюсь делать всё, чтобы сохранить и продолжить сложившуюся традицию, создавая научно-методический фундамент для обучения будущих воспитанников».

На пути к заинтересованному читателю ее новая книга, в основе которой авторский перевод на русский язык монографии «Гісторыя музычнай культуры Беларусі да ХХ стагоддзя», изданной в 2012-м, к юбилею академии музыки, и год назад размещенной на сайте учреждения. Более двух лет Ольга Дадюмова занималась переводом и дополнением этого труда, дабы с ним смогли познакомиться коллеги в других странах. Также с целью продвижения знаний о нашей художественной культуре начала сотрудничать с московским журналом «Учитель музыки». Там она публикует материалы об историческом пути отечественного музыкального искусства, о его деятелях. И разве могут не привлечь внимание, например, очерки под заголовками «Музыкально-историческое наследие Беларуси как общее достояние нескольких народов», «Жизнь и творчество Глинки: взгляд из Беларуси», «Чайковский и музыкальный мир Беларуси»? Нынче, когда мир отмечает 250-летие со дня рождения Михала Клеофаса Огинского, его личность стала наиболее примечательной в контексте новых публикаций.

«В судьбе Огинского воплотились типологические качества культуры Беларуси как общего достояния и «объединительницы» нескольких народов, как культуры-донора и переводчика в диалоге славянского, общеевропейского запада и востока. И еще в этом году исполнилось 175 лет со дня рождения Петра Ильича Чайковского. Вспоминая о такой знаменательной дате, важно было высветить его связи с нашей культурой. Ведь они существуют и прослеживаются через деятельность уроженцев Беларуси — Николая Зарембу, наставника Чайковского в консерватории,



Концерт в Свято-Николаевском костеле
поселка Мир.



Доктор искусствоведения,
профессор Ольга Дадимова.

и Константина Горского, блестящего исполнителя, скрипача-виртуоза; через творчество Осипа Козловского и его ученика, упомянутого Михала Клеофаса Огинского; через музыку крупнейшего современного композитора страны Дмитрия Смольского, исследования нашей коллеги Екатерины Дуловой и яркие интерпретации наследия русского классика молодыми белорусскими исполнителями».

Какая бы тема, какая бы творческая школа, какое бы громкое имя ни оказывалось в поле зрения Ольги Дадимовой, она едва ли не всегда найдет и обоснует определенную причастность объекта научного внимания к истории нашей отечественной культуры, докажет глубинную связь того или иного художественного явления, факта с белорусским музыкальным ландшафтом.

Велика ее личная заслуга в том, что сложные очертания этого самобытного, многообразного, неповторимого ландшафта, как минимум на полтора столетия упрятанного за пелену забвения, открываются для всех. А неожиданные открытия принципиально изменяют, расширяют представления о месте и роли белорусов в развитии культурных традиций Европы, питают и обогащают нашу историческую память и самосознание, повышают самооценку народа.

Лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь деятелям культуры и искусства (в области критики и искусствоведения), Ольга Дадимова поощрялась стипендией Главы государства, награждена медалью Франциска Скорины, нагрудным знаком Белорусского союза музыкальных деятелей «За ўклад у развіццё музычнага мастацтва», грамотами, благодарностями, дипломами ряда ведомств и организаций, в том числе международных. Разумеется, высокая оценка ее талантливого труда, видное место в обществе, уважение в мире науки и творчества не защищают от проблем, в том числе и финансовых, сопряженных с постоянной и разносторонней деятельностью. Но как не похожи они на проблемы, которые доводилось решать «саматугам» лет 30 назад! Думаю, именно то незабываемое время закалило характер исследователя и выработало привычку первопроходца — рассчитывать на собственные силы.

«Тогда мне в голову не приходила даже мечта о том, чтобы получить командировку за пределы Беларуси на поиски материалов по отечественной истории музыки. Да и не было уверенности в результативности тех поисков, осуществлявшихся по замысловатому маршруту: через Санкт-Петербург и Москву, Вильнюс, Варшаву и Краков, Франкфурт-на-Майне и Брюссель. Мне и правда приходилось долгое время искать музыкальные артефакты на свой страх и риск, не надеясь, что кому-нибудь они понадобятся. Оказалось, все это не напрасно: сотни стародавних произведений, относящихся к музыкальному наследию Беларуси, переданных исполнителям, коллегам и студентам, зазвучали

в репертуаре лучших солистов и коллективов, даже две композиции в оперном жанре («Фауст» Антония Генрика Радзивилла и «Чужое багацце нікому не служыць» Яна Давида Голланда) были поставлены на сцене нашего академического Большого театра.

И вот сегодня, готовя к изданию новую книгу, я специально не обращаюсь за финансовой помощью, хотя уверена, что нашла бы поддержку и в государственных учреждениях, и в частных структурах. Но помощь каким-то чудесным образом приходит. Уже ощущаю ее со стороны минского издательства «Ковчег». Уже интересуются будущим изданием учебные заведения и заказывают его в типографии. Но все же, по большому счету, в своем ощущении и отношении к работе я по-прежнему считаю восстановление отечественного музыкально-исторического наследия своим личным делом. Потому что знаю и всегда подчеркиваю: только благодаря подвижническому труду исследователей, многих и многих наших коллег, выдающихся музыкологов, историков различных областей белорусского мира (начиная от Адама Мальдиса, Гурия Барышева, Анатолия Грицкевича) Беларусь стала единственной страной на всем земном пространстве, в которой при жизни нашего поколения осуществилась полная реконструкция всех музыкально-исторических эпох, в разных сферах и направлениях. В научном — через поиски, находки, всесторонний анализ, создание обобщенных концепций и публикацию исследований; в педагогическом — через создание целых отраслей знаний и соответствующих дисциплин во всех учебных заведениях искусства и культуры страны, издание учебников, учебных программ и хрестоматий; в творческом — через исполнение в разных уголках нашей страны, в интерпретации лучших музыкантов, чудом сохранившихся и чудом найденных старинных произведений».

* * *

Подготовка творческих проектов, учебных материалов, занятия с учениками... Но главным делом в ближайшем будущем станет для нашей героини написание новой работы под названием «Музычная культура Беларусі: гістарычны лёс і творчыя сувязі». Несомненно, что в ней на современном уровне будет обобщен и переосмыслен богатейший материал многолетних исследований. Опытный автор-аналитик и целеустремленный просветитель, Ольга Владимировна четко представляет свою научную задачу. Но как человек ответственный и творческий она избегает разговоров о том, сколько именно времени понадобится на воплощение задуманного. Ведь бесчисленные и разнообразные труды профессора Дадимовой, от популярных очерков до монографий, — это всегда результат живого, подвижного креативного процесса, который вряд ли можно регламентировать временными рамками. Размышляя, она творит. Попросту говоря, работает постоянно, много, быстро. А юбилей свой воспринимает с улыбкой: «Пока есть перспектива, рано подводить итоги, потому что жизнь — впереди».

Светлана БЕРЕСТЕНЬ

Фото автора, а также из архива Ольги ДАДИМОВОЙ.

